

Глава 2

Он мог видеть закрученные узоры, черные, как масло, бегущие по лицу от лба до шеи, продолжаясь до того места, где разорванная ткань покрывала его тело. Он знал, как они текли, как ленточки кружили вокруг кожи; он видел их на себе в отражении в воде. Это было доказательством его первородства, что он был ребенком, родившимся из земли. Это было доказательством его наследия, как и кровь в его жилах.

У этого существа были такие же узоры, которые украшали его тело, но его лицо было не таким, как его; его форма была не такой, как у него. Там, где у него были мышцы, оно было гладким и голым, со светлой кожей, которая не была родной для этих земель. Длинные волосы покрывали его голову, не черные, а блестяще красные, не похожую на те, как звезды в небе. Его лоб был без рог и покрыт блеском пота, его руки были тонкими и слабыми. Его одежда отличалась от одежды кулука, тех бандитов, которые время от времени блуждали по краям Далеким Земель, чтобы убивать слабых и оставших. Он утверждал, что некоторые из них появлялись каждую новую луну, когда блуждали по его землям; их плоть была сладкой, а их кровь была густая и вкусная. Это существо не было похоже на них; оно воняло смертью и разложением. Оно было хрупким и сломанным, хрупкая кожа разорвана и бледна на свету.

И оно истекало кровью. Рваная рана бежала от его нижнего живота до грудины, открывая всю грудь небу. Смертельная рана.

Осторожно и все еще не оправившись от бессмысленного страха, который сотрясал его мысли, он подтолкнул тело когтями, ничего не ожидая, но вместо этого получил легкий стон и дергание в ответ. Шок побежал по его телу, холодная дрожь пробила его позвоночник. Пощупав ее лоб, он понял, что температура была нормальной, был только легкий блеск пота. Он не знал, во что верить, что думать. Живот существа был разрезан, и зловоние смерти наполнило его, но все же оно было живым. Это был удар, который должен был быть фатальным, и все же это не так.

Обнюхивая тело, он решил, что это женщина. Он заметил морщины, которые прорезали лицо и костистые руки, свидетельство о тяжелой жизни - она была бы короче, если бы стояла вертикально. Ее грудь была маленькой, и она лишь слегка пахнула жаром, достаточное доказательство того, что она еще не созрела. Молодая, возможно, в том же возрасте, что и он, скорее всего, всего десять и несколько лет. Если она родилась на земле, подобной ему, то они были связаны между собой.

Он вздрогнул от мысли, концепции, чуждой ему. Всю свою жизнь он никогда не видел другого, как он, никогда не видел другого с такими же узорами. Родившегося на земле, как и он. Его род. Он обыскал свой разум, ища слово, которое он никогда раньше не использовал. То, в котором он никогда не нуждался раньше. Оно было грубым и сухим, потому что его язык с трудом шевелился.

«Сестра».

Эта мысль прокатилась по его голове, будучи чужой и неопределенной. Был еще один, как он, один из его родственников. У него возникло соблазн оставить ее; в далеких землях слабые были убиты. Это был закон, это был его закон. Но он колебался. Она была такой же, как и он, рожденная от земли, и все же ее нельзя было убить. Она не умерла. Он хотел знать, почему. Он хотел узнать, как это сделать. И, возможно, так же важно, что она была его сестрой. Она была его стаей, единственной семьей, которую он знал. Она была его кровью и, возможно, его единственной кровью. Поэтому он решил, что как раз в этот раз он позволил бы

злоумышленнику жить.

Он наклонился, чтобы взглянуть на нее ближе. Она была легкой, и ее тело не было похоже на охотника. Ее плоть была слабой и мягкой, ее кожа была тонкая, как трава. Было бы просто прорваться сквозь ее шею. Ее ноги были слабы, ее глаза были тусклыми. У нее не было клыков, чтобы укусить, и не было рогов. Нет волос, чтобы защитить себя, нет когтей, чтобы ударить ее добычу. Она не из далеких земель; она не прожила бы здесь ни дня, независимо от того, на чьей земле она была.

И все же она не умерла. Ее живот был открыт; ее разорванная грудь показывала внутренности небу, но она все еще была жива. Кровь не текла, рана не сгущалась, но ее сердце все еще билось неуверенно, а ее легкие все еще дышали рваными, неглубокими вдохами. Жидкость в ее жилах все еще текла, резко прекратившись, когда ее сосуды разорвались. Казалось, что кровь не обратила внимания на зияющую дыру в груди, проскользнула по разрезу и продолжала течь к остальной ее части. Когда он посмотрел поближе, он увидел, что каждый так часто, возможно, каждый десятый вздох, который он принял, немного потрескивал.

Не было запаха гнили, нет запаха распада, но присутствие, которое оно давало, было тем же самым. Его волосы встали дыбом, его мышцы подергивались, когда его инстинкты и его тело реагировали на рану. Они шептали об опасности. Они шептали о смерти.

С осторожностью он медленно протянул вытянутый коготь, чтобы мягко прижать к ране. Кончик коснулся слегка, но все же появилась тонкая линия красного цвета, яркая против тускло-розового цвета ее внутренностей. Однако, когда он посмотрел на разрез, он увидел, что кровь не капает. Она не бил, она даже не реагировал, текла так медленно, как будто все еще не осознала открытия.

Пока он ждал, кровь текла все ближе к разрезу, который он сделал, прежде чем, наконец, просочиться, заметив рану. То, что, как правило, случилось бы мгновенно, потребовало минуту в ее случае.

Тогда было ясно, что она не умерла, что она просто продлевала свою смерть в этом неестественном состоянии. То, что убило бы ее за считанные минуты, теперь займет больше времени, возможно, даже дней. Истинное время он не знал, но знал, что будет в конце. Как бы медленно она ни умирала.

Он не знал, как ей помочь. Ему никогда не приходилось излечивать такой большой разрез. Он никогда не понимал этого безумия Феллс, такого же безумия, которое, казалось, было в ней. Безумие, которое заставило тени ожить - она использовала его, чтобы оставаться клыками смерти. Он не знал, сработает ли что-то из того, что он попробует, не знал, не получится ли убить ее, когда он попытается ее спасти. Но он был уверен в одном.

Если он оставит ее здесь, даже со странным безумием в ее плоти, она не сможет выжить.

Даже если это было медленно, его коготь все равно разрезал ее. Если бы он старался достаточно усердно, если бы он был достаточно терпелив, все еще разорвал бы ее. И он был уверен, что ее безумие ограничено, что она не сможет остановить кровотечение, если ее голову снимут с ее плеч. У нее не было возможности выжить, если бы он оставил ее нетронутой, если бы он оставил ее так. Он должен был что-то сделать, но все могло убить ее.

Но если она родилась от земли, как он, тогда у нее была такая же кровь, как у него. Когда ему было больно и он прятался, земля показывала ему, как исцелить себя. Она научил его, как зализать его раны и ждать, пока его тело не починится. Она показала ему, какие растения

есть, показала ему, какую пить воду и чью плоть потреблять. Он доверил свое тело земле; это был дар земли для него - его наследство. Ей придется доверять ей то же самое.

Выпустив грубое ворчание, он решил. Он наклонился, чтобы попытаться переместить ее, нежно схватив руку, не предназначенную для такой деликатности. Ее тело казалось больше растением, чем животным, больше похоже на клинок сухой травы, чем на плоть. Он медленно возвращал ее в свое логово, расстояние, утомительное с неловким весом на руках, когда он изо всех сил пытался не разорвать ее рану. Несмотря на долгую прогулку, рана осталась прежней, кровь текла мимо нее, как будто разорванные вены все еще остались нетронутыми. Все чаще он видел фиолетовое безумие. Оно прыгнуло между краев раны, потрескивало и металось в воздухе.

Она не издавала ни звука, когда он положил ее на скалу. Если бы не биение сердца, которое он слышал, он бы подумал, что она труп. Теперь ее лицо было совершенно белым, совершенно без признаков жизни. Теперь безумие ускорилося, возможно, каждое другое дыхание. Он знал, что ее время было коротким. Если бы он пытался что-нибудь попробовать, нужно сделать это сейчас.

Ища среди камней, он прорывался сквозь грязь и подлесок. Разлучив растение и цветок, он опрокинул камни, вглядываясь в растительность. Тем не менее, по прошествии времени, он все еще не нашел того, что искал, разочарование начало входить в его мысли. Каждое дыхание было ближе к смерти, и до этого никогда не доходило. Это было редко, возможно, но не возмутительно.

Именно на старом падшем дереве он нашел то, что искал: тонкую желто-зеленую траву с широкими листьями и короткими толстыми корнями. Она росла в маленьких пучках, где была грязь под скалой. Она казалась горькой и сухой во рту, но он знал, что он использует ее.

Собрав горсть, он отнес ее обратно в свое логово, держа в руке пучок, осторожно пронес ее внутрь. Уложив ее на землю, он впервые облизнул рану. Его слюна очистит рану и начнет ее исцелять. Потребовалось время, чтобы он очистил рану, и к концу металлический вкус крови наполнил его рот. Взяв траву, он разжевал ее в густую пасту, сопротивляясь желанию проглотить. Она сожгла десны и окрасила зубы в темно-желтый цвет, но он проигнорировал это. Зажав края раны вместе, он выплюнул шар на рану, размазывая ее в линию, которая закрывала и держала рану вместе.

Безумие вспыхнуло, когда он коснулся ее, отбиваясь, как маленькие языки пламени в ревущем ветре. Когда оно коснулось его когтей, фиолетовый заискрился и взлетел воздух, как пыль. В конце концов больше не осталось безумия, и рана начала кровоточить обильно. Алая и малиновая выскользнула из нижней части лекарства, просачиваясь через ее живот, перед тем, как упасть на землю вокруг нее.

Он беспокоился, что он убил ее, и без ее безумия она ушла в одно мгновение. Тем не менее кровотечение, казалось, кончилось так быстро, как и началось, и оно высохло в темной коре на ее коже. Растительный пластырь быстро остыл после того, как оставил его рот, и это остановит рану от гниения. Это он мог сделать для нее. Если это случится, единственный способ спасти ее - это разрезать живот. Как ни странно, он чувствовал, что даже у нее были границы.

Она не шумела, когда он делал свои дела, и она не издавала ни звука, когда он поджигал огонь. Он боялся, что она мертва в уме - ничего, кроме мертвого веса, от которого он никогда ничего не узнает. Попытка спасти ее вполне могла стоить ему жизни, потому что у него было мало

ресурсов. Ухаживать за слабостью в далеких землях было то же самое, что назвать себя живым трупом.

Но ее потенциал был слишком велик. Она могла уклониться от смерти. Для нее и того, что она знала, это стоило того риска.

Он думал, пока ел, вгрызаясь в старое мясо. Она должна была быть живой, чтобы рассказать ему свою тайну. Она должна жить, ей нужна еда. Скоро придет Феллс, и еще один рот будет для него лишним. Ему нужно было охотиться. Но его стада были уже худыми и становились тоньше из-за Феллс. Если он продолжит брать их, от них ничего не останется.

Решение наполнило его ум, когда он закончил есть, расколов последнюю из костей и бросив останки за пределы своего логова на землю. Ему пришлось бы нарушить одно из правил, которые он знал с рождения. Он должен был пометить себя для смерти.

Он должен был брать у чужих земель.

<http://tl.rulate.ru/book/8591/162640>